

A close-up photograph of a pink daisy flower with a bright yellow center. The petals are vibrant pink and have a slightly ruffled texture. The background is a soft, out-of-focus green, suggesting a natural outdoor setting. A yellow rectangular box is overlaid on the upper left portion of the image, containing the author's name and the title.

Михаил Никитин

Нинкин юбилей

18+

Михаил Юрьевич Никитин

Нинкин юбилей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64345707

SelfPub; 2021

Аннотация

Наша жизнь – сплошные парадоксы! Печальное соседствует с весельем, смешное – с унынием... Иногда время и события спрессованы в тяжелейший груз, который нужно нести по жизни.

Содержание

2.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Михаил Никитин

Нинкин юбилей

1.

– Нас пригласили на юбилей, Нинке – пятьдесят! – сказала жена, входя на кухню.

Нинка, которой исполнилось пятьдесят, – это сотрудница жены. Я сидел на кухне за столом, соображая что ответить. Идти на юбилей мне не хотелось.

Нинка, у которой случился юбилей, была человеком душевным, открытым, словоохотливым и ничего против неё я не имел! Но тащиться в наш местный кабак с тем, чтоб несколько часов сидеть, слушать банальные слова поздравлений, пить водку и жрать «столовское», – никакой охоты не ощущал.

– А где будут праздновать-то? – спросил я с наигранным пренебрежением в голосе, думая, что может это как-то выручит меня; что я смогу, слушая ответ на свой вопрос, уловить в интонациях жены ее настрой относительно похода в кабак.

– В «Пальмире», между прочим! Ты что, идти не хочешь? – заподозрив в моем вопросе сомнения, спросила жена. – Не придумывай! Неудобно получится, нас вместе пригласили, придется идти! – сказала, как отрезала!

– Я вот думаю, что ты наденешь? – продолжила она уже обо мне. – Костюм этот у тебя старый, позорный. Серый цвет

тебе не идет! Сам весь седой и серый, и костюм серый!

– Ладно, не парься! Что тебе дался этот костюм, не у меня же юбилей? Кто там на мой костюм смотреть-то будет?

– А ещё думаю, что дарить будем? – спросила жена, переключив с темы о костюме, – что, деньги в конверт положим? – Как ты думаешь, этого хватит?

– Ну а что? Ты хочешь Нинке сковородку какую-нибудь подарить, которая ей даром не нужна, что-ли? Деньги – это нормально! Соберет денежки, да купит себе что-нибудь стоящее. . . Деньги в конверт, цветы купим, – это самое то!

Нинка моложе нас всего лет на пять, наши дети выросли почти одновременно и вся жизнь наша прошла на виду друг у друга. Мы знали все события её жизни, а Нинка знала о том, что происходит в нашей семье. Обсудив с женой сумму вложенных в конверт денег, мы принялись обедать.

– Ты на завтра ничего не планируй, завтра мы идем, – не забудь! – уточнила жена, собираясь после обеда на работу.

– Юбилей евреи придумали, – сказала жена, не глядя на меня и поправляя перед зеркалом прическу, – это от древнего еврейского слова «йобель», что означает «год свободы», знаешь? – жена работала в библиотеке и знала массу таких, забытых человечеством, подробностей.

– Вот все у них так, день рождения и то, – ёбелем назовут, – а ты иди на него, как ёбель. . .

– Дурак ты, старый, – «Й – обель»! . . – разделив слово значимой паузой, и сделав ударение на звуке «Й» поправила

меня жена. И как мне показалось, уходя, она весьма значимо хлопнула дверью.

Я слегка покачал головой, будто в укор ей, никак не соглашаясь с её заносчивостью и демонстративным превосходством. У меня на этот счет было свое мнение. А что касается самого юбилея, – это такое мероприятие, где говорят человеку в большей степени то, чего он не заслуживает. И как кто-то сказал из юмористов: «Юбилей – это репетиция похорон».

Наша местная забегаловка «Пальмира» возникла из Красного Уголка бывшего заводского ДК, увешанного кумачом и фиолетовым плюшем! Всегда запylённое помещение, с затёртым до черноты, вспученным паркетом. Большие окна с неподъёмными деревянными рамами никогда не открывались. Использовали это помещение все кому не лень: проводили стихийные собрания городские пенсионеры, собирались местные активисты-садоводы, ретивая молодёжь устраивала сходки политклуба, обсуждая речи нового генсека Горбачёва. Здесь же проводились гражданские панихиды, и фиолетовый плюш на мебели и кумачовые стены тогда приходились как нельзя кстати, придавая торжественность церемонии прощания с покойным, которого выставляли на массивную тумбу посередине зала.

В обычные дни, спокойные от митинговых страстей и печальных церемоний, обширный зал заполняли матерчатые стенды, облепленные с обеих сторон рисунками детишек, из

кружка рисования этого ДК.

Зал всегда пустовал. Случайно забредшие сюда люди, бродили в одиночестве, погромыхивая разохшимися паркетными досками и любовались акварельными выбрызгами на бумагу детской фантазии...

С окончанием Перестройки и поворотом к капитализму, участь Красного Уголка резко сменилась. Красный Уголок тоже «перестроился» и обрёл новую судьбу.

Благодаря шоколадным батончикам «Марс» и «Сникерс», вымостившим многим путь к свободному предпринимательству, в стране возник товарный бум, возвестивший приход нового социального слоя Чэпэшников. Чэпешники решительно и бесповоротно, с революционной смелостью, подчиняли всё своим интересам. «Подчинили» они себе и Красный Уголок. Как-то тихо на его месте возникло питейное заведение с экзотическим названием «Пальмира»

Теперь, некогда темные окна, светились ночами. Округу будоражила громкая музыка, ко входу подъезжали и отъезжали подержанные иномарки, туда спешили посетители. Жизнь хмельная и рискованная кипела!

За короткий срок «Пальмира» перемолола массу народу, в том смысле, что создавала социальные конфликты и тут же их разрешала, под бетонным козырьком у входа. По утрам, технички отмывали бетон от блевотины и крови...

Одна волна крутых парней сменяла другую, менялся интерьер, персонал, менялась и общественная мораль – выра-

батывались правила поведения, и в какой-то момент «крутизна» отдельных личностей стала уравнивать возможности других спросить «за базар» – «Пальмира» превратилась во вполне пристойное и доходное предприятие общественного питания.

На том месте, где выставляли покойников для гражданских панихид, установили подиум для оркестра. Волнообразный потолок спрямили и снабдили светильниками, рамы заменили на пластик, со стен содрали кумач и окрасили краской, по углам натыкали кондиционеров, меж колонн установили столы. Теперь здесь можно было провести семейное торжество, устроить корпоратив, или просто посидеть с друзьями.

2.

Мы пришли в «Пальмиру» минут за пятнадцать до назначенного времени. В вестибюле уже кучковались гости. Я давно не видел сослуживцев жены и с интересом рассматривал пришедших.

– Узнаешь, наших девок? – толкнула в бок жена.

– Да какие же они «девки»? – приснул я, – скорее старушки...

– А это, – глянь, – начальник наш припёрся со своей «новой»... – жена скосила глаза в сторону вошедшей пары.

Их начальника я знал, правда не встречал давненько. Он погрузнел, заметно горбился, лысина заняла уже почти всю голову, победив некогда буйную кудрявую шевелюру. Усы лишь стали гуще, – нависали плотной щеткой над выпуклыми большими малиновыми губами. Его спутница, узкозадая блондинка с красивыми и большими карими глазами и внушительной грудью, не выглядела уж совсем юной, печать жизненного опыта заметна была и в её лице.

– Из «этих», что-ль? – спросил я жену, рассмотрев блондинку.

– Ну да, ты не видишь? И глаза, и губы... Волосищи у неё, как у всех евреек шикарные! Зря она их осветляет, рыжей ей больше идёт... Видно, седина уже пробивается...

– Где он её «откопал»?

– Говорят, из Москвы привёз! Денег стало много, вот, его и прибрали... – горячим шепотом, чтоб её не слышали проходящие мимо нас сослуживцы, сообщила жена.

– Ну, глаза у неё ничего!.. – было начал комментировать я внешний вид подруги жениного начальника.

– Ты на сиськи что-ль её пялишься? – зло прошипела жена и больно ущипнула меня за бок.

– Какие «сиськи»?! Я-ж, говорю – «глаза»!

– Знаю я... пошли уже!

Разнаряженная Нинка встретила нас в дверях банкетного зала. Мы тут же вручили ей конверт и цветы, протараторили пожелания и прошли в зал. Столы в зале стояли большой буквой «П», фамилии гостей красовались на торчащих возле тарелок бейджиках.

Наши места оказались возле кондиционера, – чему я был несказанно рад, -многодневная жара в конце лета порядком надоела, и я наслаждался холодком, что струился мне за ворот пиджака. Ещё одно обстоятельство порадовало меня – весь зал: вход, и все столы были видны как на ладони, – можно было как в театре наблюдать за всем, что происходило.

Публика расселась, народу пришло много. Все крутили головами, осматривая присутствующих, смущенно хихикали, перешептывались. Начались поздравления.

Говорили одно и то же, смущаясь и повторяя уже сказанные ранее слова.

После простодушных поздравлений родственников, слово взял Нинкин начальник. Он долго говорил о том, как нелегко предприятию все эти годы, как «тяжело вставали на ноги в новых условиях» и как здорово, что именно Нинка, которой исполнилось вот уже «восемнадцать лет», все эти годы «вносила вклад» в становление коллектива. Толпа благоговейно внимала витиеватым речам начальника, дружно отвечала ропотом одобрения его шуткам. Поднятые руки и рюмками и бокалами потихоньку опускались, уже не в силах держать поднятое, как начальник произнес заключительную фразу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.